

Нагуманова Э.Ф.

Казань (КФУ)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПЕРЕВОДОВ Р.КУТУЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЙ ДАРДМЕНДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Рустей Кутуй известен не только как оригинальный поэт и прозаик, но и как переводчик, создавший свой неповторимый стиль перевода. Он является экспериментатором в области русского стихосложения, его поэтический язык оригинален, наполнен красками, звуками, движением.

В данной статье предметом исследования являются вольные переводы стихотворений татарского поэта начала XX века Дардменда, опубликованные в журнале «Казань» (№11-12) за 1999 год. Это переводы таких известных стихотворений классика татарской поэзии, как «Бүзләрем мана алмадым», «Каләмгә хитаб», «Без», «Кичә күр, иркәм», «Хикәяи гыйшык», «Үткән көннәр» и др. Произведения Рустема Кутуя не соответствуют традиционному понятию «перевод», он создает свои оригинальные стихотворения по мотивам дардмендовской лирики. Подобный подход к исходному тексту является наиболее правомерным, когда речь идет о невозможности воспроизвести все тонкости оригинала в переводах. Стихи Дардменда музыкальны, напевны, поэт стремится к гармонии формы и содержания, каждое слово в его произведениях имеет глубоко символическое значение. Как отмечает Ю.Г. Нигматуллина, «афористичность мышления, лаконизм поэтической формы, органическое сочетание риторики и лиризма – все эти отличительные черты дәрдмендовского творчества восходят к традициям восточной поэзии» (3, 185), поэтому переводчик должен учитывать все смысловые оттенки его стихотворений.

В какой-то степени именно проблема непереводаемости становится одной из причин создания Р.Кутуем цикла вольных переводов из Дардменда. В контексте разных переводческих манер такие переводы характеризуются превалированием субъективного начала в тексте перевода. В этом случае перевод для его автора – еще один путь выразить себя, используя материал иноязычного поэта. При сопоставительном анализе таких переводов с

оригинальными текстами важно выявить, насколько изменился исходный текст под пером поэта-переводчика, какие стилистические особенности оригинала нашли отражение в переводном тексте, а какие были потеряны.

Обратимся к некоторым примерам из стихотворений Дардменда. Так, многократно на татарский язык переводилось стихотворение «Бүзләрем мана алмадым» (переводчики С.Липкин, Н.Беляев, Р.Бухараев, В. Думаева-Валиева), не оставил без внимания это известное произведение и Р.Кутуй, который назвал свой вариант «Не переукрасить савана». Поэт не ставит своей целью познакомить русского читателя именно с переводом стихотворения Дардменда, ему важнее показать, насколько неоднозначным может быть толкование данного произведения, поэтому он включает в стихотворение новые образы, новые поэтические детали. В частности, можно выделить образы девственниц, акцентирование внимания на красном цвете, Кутуй меняет возвышенную тональность оригинального стиха, создавая эффект непринужденной беседы с читателем (выражения «Вот так-то, брат», «Такие, брат, дела»).

Переводчиков часто привлекает философская проблематика произведений Дардменда, что и объясняет многократное обращение их к переводу стихотворения «Без». Это стихотворение проникнуто особым восточным колоритом, что передается как на уровне лексики, так и развития отдельных тем. Значительная часть лексики оригинала отражает социально-политический строй и религиозные особенности, характерные для мусульманского Востока (падишаһлар – государи, повелители, нәбиләр – пророки, мөсафир – странник). Большое число арабо-персидских заимствований не только создает восточный колорит, но и особую патетику. С Востоком у Дардменда связаны метафоры (человеческие жизни проходят «за караваном караван», метафора сохранена переводчиками), указания на явления природы (веют ветры, перемещаются пески, стираются следы»). Переводчики (в том числе и Р.Кутуй) находят вполне эквивалентные словесные формы на языке перевода, заменяют некоторые слова и словосочетания (например, вместо

слова «падишаһлар», которое характерно для восточного видения мира, ими использовано слово «цари» и т.п.).

В то же время при переводе стихотворения «Без» («Мы») С.Липкин, к примеру, усиливает мотив фатальной обреченности человека перед высшими силами. Дардменд в духе восточной поэтической традиции не нагнетает ощущения безнадежности, он, как носитель мусульманского мироощущения, спокойно говорит в последних строках о невозможности продлить время существования на земле. Да, ничто в мире не вечно, все когда-то уйдут в небытие, и это поэт принимает как подобает носителю мусульманской религиозной традиции – смиренно («Дэрийгъ, мэхзүн күнел, без дә бетәбез!» – «Сожалеющая, горестная душа, и мы исчезнем!»). Подстрочный перевод наш – Э.Н.). Перевод С.Липкина заканчивается трагически: костер означает полное исчезновение человека, суфийская концепция не прочитывается в контексте его произведения.

Рустем Кутуй следует по другому пути. Он не стремится полностью воспроизвести идейно-тематический уровень оригинала, ему важнее показать собственное видение мира. Это проявляется и в названии стихотворения – «Громадные валы прошли...». Поэт-переводчик, как и Дардменд, говорит о бренности человеческого существования, последняя строка («Пламя так сжигает нас, смеясь») наиболее точно передает философскую концепцию автора: сгорая в огне, мы уходим в вечность, что не противоречит и концепции татарского поэта начала XX века. Р.Кутуй не изменяет своей поэтической манере, поэтому в переводе много оригинальных метафор и сравнений (говоря о человеческих костях, он использует выражение «бесчисленна их рать»), высокая книжная лексика («с юдолью земной», «скорбит душа» и др.) необходима ему для передачи патетики стихотворения Дардменда.

В некоторых случаях поэт расширяет образный уровень стихотворений Дардменда. Так, в вольном переводе «Росток тала» Р.Кутуй индивидуализирует не только образ воды, что мы видим в оригинале, но и образ ивы, включает в ткань поэтического произведения образ лирического героя. Именно он готов

«выпить разом одним глотком зеленого вина» сок листьев ивы, и тогда «просветлел бы, как струя, мой разум». Поэт не боится экспериментировать над текстом оригинала, поэтому его стихотворение лишь отдаленно нам напоминает первоначальный источник («Гал чыбык» Дардменда есть вольный перевод тютчевского стихотворения «Что ты клонишь над водами...»).

Своеобразен синтаксис произведений Р.Кутуя. Он, как правило, не использует сложных развернутых конструкций, чаще всего довольствуется простыми предложениями:

Страсть силы придает.

Мне – не дала.

Такие, брат, дела.

(Р.Кутуй. Не перекрасить савана»)

Конкретные, но емкие формулировки способны передать всю полноту чувств самого поэта-переводчика. Его поэтический язык лишен банальных речевых формул, которые мы довольно часто встречаем в других переводах. Игра с чужим словом приводит к созданию интересных образов, поэтических метафор, что является результатом вдумчивого прочтения текста оригинала. Р.Кутуй переводит стихотворения, воспользовавшись наиболее часто используемым в практике поэтического перевода стихотворным размером – ямбом, но его ямб разностопный, что не ограничивает поэта в его экспериментах.

Таким образом, анализ стихотворений Р.Кутуя подтверждает истину того, что переводчик, как и автор переводимого им произведения, «мыслит» образами, находится в поисках и реализации языковых, композиционных и других соответствий этим образам. Все переводы из Дардменда имеют свободный, творческий характер, они эстетически самоценны, в этом случае перевод для Р.Кутуя – еще один путь выразить себя, используя материал поэта-предшественника.

Примечания

1. Кутуй Р. Осенняя воля. Стихи. – Казань: Тат. кн. издательство, 1981. – 126 с.
2. Казань, 1999. - № 11-12. – С. 85-87.
3. Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. – Казань: Изд-во КГУ, 1970. – 210 с.